

SBORNÍK PRACÍ PEDAGOGICKÉ FAKULTY
MASARYKOVY UNIVERZITY

**ŘADA
SPOLEČENSKÝCH VĚD**

27/2013/1

BRNO
2013

Upozornění redakce / Notice of the Editorial Board:

Redakční rada neodpovídá za obsahovou náplň jednotlivých příspěvků. /

The views expressed herein are those of the authors and are not necessarily shared by the Editorial Board.

Sborník je věnován doc. PhDr. Františku Čapkovi, CSc., u příležitosti jeho sedmdesátých narozenin.

Recenzovali: prof. PhDr. Kateřina Charvátová, CSc., PdF UK
doc. PhDr. Petr Kaleta, Ph.D., FF UK

Vedoucí redaktor: Jaroslav Vaculík

Výkonný redaktor: Jan Dvořák

Redakční rada: Roman Baron, František Čapka, Tomáš Černušák, František Hanzlík, Miroslav Jeřábek, Tomáš Jeřábek, Bohuslav Klíma, Michail Kovaljov (Saratov), Pavel Krafl, Štefan Kucík (Ružomberok), Robert Letz (Bratislava), Jiří Mihola, Miroslav Piwowarczyk (Wrocław), Kamil Štěpánek, Marek Vařeka

Adresa redakce: Pedagogická fakulta MU
katedra historie
Poříčí 9/11, 603 00 Brno
e-mail: vaculik@ped.muni.cz

Copyright © Masarykova univerzita, 2013
ISSN 1211-6068

MLADÝ SEDMDESÁTNIK FRANTIŠEK ČAPKA

LUBOMÍR SLEZÁK

The text presented is devoted to the historian doc. PhDr. František Čapka, CSc., from Brno and his academic and pedagogical work.

Key words: František Čapka; historian; Masaryk University.

Doc. PhDr. František Čapka, CSc.

Nechce se věřit, že přední brněnský historik a dlouholetý vysokoškolský pedagog doc. PhDr. František Čapka, CSc., oslavil v loňském roce sedmdesáté narozeniny. Čistě úředně tomu tak je, ale nikdo z těch, kdo se s ním setkává na chodbách a v posluchárnách Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity, kdo sleduje jeho pracovitost, životní optimismus s typickým smyslem pro humor, by mu sedmdesátku nehádal. Vlastně ani stárnout nemůže, protože má stále před sebou plno pedagogických a vědeckých plánů, které také úspěšně realizuje.

Jubilant se narodil 26. května 1942 v obci Nížkovice nedaleko Slavkova v rodině řídicího učitele. Prostředí rodiny úspěšného pedagoga nepochybně ovlivnilo i osobní zájmy a profesní dráhu oslavence. Po maturitě na slavkovské jedenáctileté střední škole v roce 1959 se rozhodl pokračovat ve studiu na Filozofické fakultě tehdejší Univerzity Jana Evangelisty Purkyně

(UJEP) v Brně, dnešní Masarykovy univerzity. Zvolil si kombinaci český jazyk a literatura – dějepis a pětileté studium ukončil v roce 1964. V průběhu nedlouhého kantorského působení na stavebním učilišti a na škole pro nevidomé a slabozraké v Brně si rozšiřoval kvalifikaci studiem speciální pedagogiky na olomoucké univerzitě a postgraduálním studiem na Filozofické fakultě UJEP, což se mu brzy zúročilo: v konkurzním řízení v září 1975, v němž obstál nejlépe ze všech uchazečů, byl přijat jako odborný asistent na katedru dějepisu Pedagogické fakulty UJEP. Zde začal s výukou nových a nejnovějších československých dějin, úvodu do studia dějepisu, s vedením historického semináře a semináře regionálních dějin. V roce 1978 složil rigorózní zkoušku na Filozofické fakultě UJEP v oboru československé dějiny a získal titul doktor filozofie (PhDr.), v roce 1984 obhájil kandidátskou disertační práci *Odbory na jižní Moravě v letech 1945–1948* a obdržel vědeckou hodnost kandidáta historických věd (CSc.). O rok později se řádně habilitoval pro obor československé dějiny. Od března 1984 působil ve funkci vedoucího katedry didaktiky dějepisu a regionálních dějin Pedagogické fakulty UJEP. Po spojení katedry dějepisu s katedrou geografie v září 1986 se stal vedoucím oddělení. Ve funkci vedoucího obnovené katedry dějepisu pracoval František Čapka až do konce roku 1990. V posledních více než deseti letech vykonává funkci zástupce vedoucího katedry historie.

Těžiště pedagogické práce oslavence spočívá především ve výuce nových a nejnovějších československých, resp. českých dějin. Vedle toho se soustavně věnuje také tematice regionálních, v prvé řadě moravských dějin, dějin spolků a společenských organizací. V průběhu 37 let své pedagogicko-vědecké činnosti na fakultě předal své odborné znalosti několika tisícům studentů. S mnohými z nich se po léta setkává na konferencích a odborných seminářích, věnovaných dalšímu vzdělání již hotových kantorů. Na stovkách ročníkových, bakalářských, diplomových a rigorózních prací se podílel jako jejich vedoucí, školitel i kritický oponent. Řadu studentů dovedl až k vědeckovýzkumné práci, kterou dnes vykonávají při své učitelské činnosti. Je samozřejmé, že k milým povinnostem Františka Čapky patřilo též zpracování vysokoškolských skript, učebních textů a čítanek s vybranými dokumenty. Na pomoc učitelům a školám zpracoval okolo třiceti rozličných populárně-naučných titulů. Vedle toho je autorem 12 učebnic a metodických materiálů pro žáky základních a středních škol.

U Františka Čapky se nutně prolínala uvedená pedagogická aktivita s prací vědeckovýzkumnou. Uvědomoval si, že výzkum historické tematiky nejnovějších českých dějin, nová zjištění a zobecnění, k nimž přitom dospíval, mu pomohou při zkvalitňování vlastní výchovy studentů. Na seznamu výsledků tohoto vědeckého úsilí má oslavenec více než 250 titulů: 11 samostatných monografií a encyklopedií, 23 kolektivních monografií a encyklopedií, dlouhou řadu odborných článků a studií a další desítky zpráv o historické literatuře a recenzí. V této souvislosti nelze nepřipomenout monografie, které se váží k dějinám obcí a měst na jižní a střední Moravě, na nichž se podílel nejen jako jeden z autorů, ale v několika případech též jako vedoucí autorského kolektivu. Vyjmenovávat zde všechny badatelsko-publikační počiny není možné, ale vlastně ani nutné, protože byly souhrnně zveřejněny ve *Sborníku prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity, řada společenských věd*.¹

V krátkosti připomeňme alespoň publikace za několik posledních let. Vedle desítek vědeckých článků, recenzí a posudků vystupují do popředí tři Čapkovy větší práce. V roce 2005 se podílel na zpracování a vydání obsáhlé kolektivní monografie (spoluautoři Lubomír Slezák a Jaroslav Vaculík) s názvem *Nové osídlení pohraničí českých zemí po druhé světové válce, kte-*

¹ ŠTĚPÁNEK, K.: *František Čapka pětadesátiletý*. Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity, řada společenských věd 22, 2007, s. 187–194, bibliografie na s. 189–194; ŠTĚPÁNEK, K.: *František Čapka dvakrát „pětatřicátníkem“*. Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity, řada společenských věd 26, 2012, č. 1, s. 168–173, bibliografie na s. 169–173.

rá byla oceněna Grantovou agenturou České republiky jako neúspěšnější publikace z okruhu společenských věd a obdržela také Cenu děkana Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity za rok 2009. Poprvé v naší historiografii jsou v ní „zmapovány“ všechny aspekty složitého a rozporuplného procesu nového osídlování našeho pohraničí po roce 1945. Za pouhé tři roky (2008) se objevila na pultech knihkupectví Čapkova monografie *Odbory v českých zemích v letech 1918–1948*, v níž autor na nové úrovni představil zpracování pramenů oproštěné od bývalých ideologických klišé a objektivně posoudil klady a zápory odborového hnutí v letech první republiky. Publikace rovněž obdržela Cenu děkana Pedagogické fakulty za významnou tvůrčí činnost (2011). Za další tři roky (2011) bylo vydáno další dílo – *Cukrovarnictví do roku 1938 a agrární strana (se zřetelem na Moravu a Slezsko)*, spoluautor Lubomír Slezák. Monografie předkládá komplexní zpracování vývoje řepařství a cukrovarnického průmyslu na Moravě a ve Slezsku, objasňuje genezi dvou moravských cukrovarnických center a hodnotí úlohu agrární strany při jejím pronikání do cukrovarnického podnikání. K těmto třem pracím se řadí dvě populárně-vědecké práce, na nichž se autorsky podílela doktorandka katedry Jitka Lunerová – *Tragédie mnichovské dohody. Skutečná fakta a odhalené mýty* (2011) a *1948: Vítězný únor. Cesta k převratu* (2012). V roce 2013 se společně s Antonínem Zabloudilem podílel na rozsáhlém díle *100 let fotbalového klubu FC Zbrojovka Brno* (409 s.).

Čapkova vědeckovýzkumná a popularizační práce byla také několikrát vysoce oceněna: vedle již zmíněných Cen děkana Pedagogické fakulty získal za rozsáhlou práci *Dějiny země Koruny české v datech* (vyšla ve čtyřech vydáních, včetně *Dodatek*) Zlatou stuhu Klubu literatury pro mládež a české sekce IBBY a také Cenu města Lysá nad Labem za tvůrčí počin v oblasti historické literatury. František Čapka byl úspěšným řešitelem několika grantových projektů GA ČR, projektů FRVŠ, dlouhodobě pracoval jako člen komise G5 Fondu rozvoje vysokých škol (nyní jako její místopředseda), jako člen vědecké rady nakladatelství CERM v Brně a člen vědecké rady Technického muzea v Brně. Pravidelná je jeho spolupráce s pedagogickými fakultami zahraničních vysokých škol, především v Polsku. Permanentně a ochotně se zapojoval také do organizačnické a konzultantské práce nejen v rámci Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity (vědecká rada, kolegium děkana, proděkan pro vědu a výzkum), ale i mimo ni: na úrovni města Brna, kraje i celostátních rad (pro dějiny odborů, dějiny závodů, pro výuku dějepisu na základních a středních školách, metodiku apod.). Autor tohoto textu byl po léta spolupracovníkem oslavence a chtěl by připomenout jednu z velkých předností Františka Čapky – jeho manažerské a organizačnické schopnosti. Cílevědomost, houževnatost, schopnost získávat si důvěru lidí svou otevřeností a obětavostí mu výrazně napomáhaly k úspěšné realizaci vytčených cílů.

Milý Františku, vše nasvědčuje tomu, že se nacházíš v dobré osobní i pracovní pohodě, s řadou přátel a kolegů kolem sebe. Přejeme Ti do dalších let pevné zdraví, jasnou mysl a hodně úspěchů při výchově studentů a ve vědecké práci na poli moderní historie.

Summary

The Young František Čapka at the Age of Seventy

The focal point of the teaching work of František Čapka lies primarily in the modern and contemporary history of Czechoslovakia and the Czech Republic. In addition to this, he also devotes systematic attention to regional history (first and foremost Moravian history) and the history of local clubs, associations and social organisations.

Three of Čapka's larger works stand out alongside his dozens of academic articles, reviews and criticism – *Nové osídlení pohraničí českých zemí po druhé světové válce* (co-authors Lubomír Slezák and Jaroslav Vaculík), which was named the most successful publication in the social sciences by the Grant Agency of the Czech Republic and which also received the Award of the Dean of the Faculty of Education at Masaryk University for the Year 2009, *Odbory v českých zemích v letech 1918–1948*, a publication for which the author received the Award of the Dean of the Faculty of Education for Distinguished Creative Work, and *Cukrovarnictví do roku 1938 a agrární strana (se zřetelem na Moravu a Slezsko)* (co-author Lubomír Slezák), which presented a comprehensive view of the development of beet growing and the sugar industry in Moravia and Silesia.

VĚDECKÉ STUDIE

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ГАЛЯМИЧЕВ

The author of this article studies the historical connections between Great Moravia and Rus and the outlook in this investigation.

Key words: Great Moravia; Kievan Rus; historical connections.

Данная статья призвана способствовать продолжению диалога историков Чехии и России, одним из наиболее перспективных направлений которого видится осмысление тех страниц исторического прошлого, на которых судьбы наших народов переплетались наиболее тесно.

К числу таковых прежде всего относится история раннесредневековой Великоморавской державы. На наш взгляд, есть все основания полагать, что никогда впоследствии – после гибели славянского государства под сокрушительными ударами венгерского вторжения на Средний Дунай в начале X века – связь между русскими и чешскими землями, точнее – землями Моравии не была столь прочной и органичной.

Великая Моравия сохранила своё место в исторической памяти народов Европы прежде всего как колыбель славянской культуры. Именно здесь, на её территории, происходила миссионерская деятельность святых Кирилла и Мефодия – создателей первой славянской азбуки, византийских учёных монахов, прибывших на славянские земли по приглашению князя Ростислава.

Почитание св. Кирилла и Мефодия имеет особое значение в Русской Православной Церкви с момента её возникновения. Поминание – во время церковных служб во всех храмах православной Руси. Даже во времена полной неграмотности населения их имена были известны всем и каждому, занимая особое место в исторической памяти русского народа. В дни памяти славянских первоучителей, на службе утрени после шестой песни канона во всех православных храмах читалось их проложное житие, напоминая русским людям о создателях родной грамоты, а вместе с ними – и о древнейшем славянском государстве.¹

В книжной культуре Древней Руси почитание солунских братьев занимало особо важное место. Есть основания полагать, что *«именно благодаря Древней Руси до нас дошла большая часть великоморавского письменного наследия, среди которого первое место, несомненно, занимают пространные, так называемые паннонские жития Кирилла и Мефодия»*.²

¹ РОГОВ, А. И.: *Великая Моравия в письменности Древней Руси*. В: Санчук, Г. З. – Поулик, Й. (ред.): *Великая Моравия, её историческое и культурное значение*. Москва 1985, с. 279.

² Там же, с. 277.

Последнее обстоятельство – не только следствие особой роли Русской Православной Церкви как хранителя исторической памяти о славянских первоучителях и их наследия, но и результат работы нескольких поколений русских учёных, труды которых занимают исключительно важное место в истории научного осмысления истории Великоморавской державы и её культурного наследия.

Изучение наследия Великой Моравии красной нитью проходит через всю историю русского славяноведения с момента его рождения до наших дней. Наиболее видное место неизменно занимали и занимают сегодня исследования историков Церкви и филологов-славистов. Это определяется, с одной стороны, исключительной значимостью места великоморавской истории, в более узком смысле – кирилло-мефодиевской традиции на историческом пути развития Православной Церкви и славянской письменности и культуры, а с другой – своеобразием письменных источников (прежде всего, житийной литературы), сохранивших свидетельства о раннесредневековом славянском государстве. Трудно переоценить вклад русских учёных в первостепенно важное для научного осмысления великоморавской истории дело публикации её памятников, прежде всего – письменных свидетельств о жизни и миссионерской деятельности святых Кирилла и Мефодия.³

Тем не менее и светская историография России внесла определённый вклад в дело изучения истории Великой Моравии. В литературе XIX века⁴ особое внимание было обращено на военно-политическую историю великоморавской державы, её ключевое геополитическое значение в вековом противоборстве германского и славянского миров.

В русском славяноведении после Октября 1917 года изучение истории Великой Моравии – наряду с сохранением сложившихся традиций – обрело новые грани.⁵ Накануне и в годы Второй мировой войны в сфере особого интереса историков оказались проблемы взаимоотношений Великой Моравии и Восточно-Франкского королевства, которые рассматривались в контексте германской агрессии в славянские страны. В послевоенные годы выявилась тенденция взглянуть на внешнеполитические аспекты истории Великоморавской державы более широко – рассмотреть моравско-византийские отношения как составную часть международных и межгосударственных отношений эпохи раннего средневековья, осмыслить место Великой Моравии в геополитическом развитии Центральноевропейского региона.

Самое же главное – в поле зрения исследователей вошли коренные проблемы внутренней истории Великой Моравии. Был поставлен вопрос о природе её государственности. Поиск ответа на него был сопряжён с пристальным вниманием к особенностям социально-экономического развития земель, входивших в состав Великоморавской державы в пору её подъёма и наивысшего расцвета.

Обращение к этой проблематике во многом стало возможным благодаря началу энергичного археологического изучения великоморавского наследия, в ходе которого был обнаружен богатейший для изучения социально-экономического развития раннесредневекового государства материал. Начало интенсивных раскопок совпало по

³ ФЛОРЯ, Б. Н.: *Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха*. В: *Сказания о начале славянской письменности*. Москва 1981, с. 5–69; ЛАПТЕВА, Л. П.: *Письменные источники по истории Чехии периода феодализма*. Москва 1985, с. 109–121.

⁴ См. специальную работу ИВАНОВ, Ю. Ф.: *Великая Моравия в русской дореволюционной историографии*. В: Санчук, Г. З. – Поулик, Й. (ред.): *Великая Моравия, её историческое и культурное значение*. Москва 1985, с. 50–66.

⁵ См. специальную работу САНЧУК, Г. Э.: *Великая Моравия в советской историографии*. В: Санчук, Г. З. – Поулик, Й. (ред.): *Великая Моравия, её историческое и культурное значение*. Москва 1985, с. 67–81.

времени с периодом тесного сотрудничества историков Чехии и России, концом сороковых – пятидесятыми годами, связанного с оживлением связей двух стран в рамках Социалистического Содружества.⁶

В последние десятилетия эти связи несколько ослабли. Думается, что укрепление взаимообогащающих контактов, оказавшихся весьма плодотворными в прошлом, может способствовать дальнейшей научной разработке истории Великой Моравии. Возможно.

Размышляя над возможными перспективами такого рода сотрудничества, хотелось бы обратить внимание на один аспект изучения моравско-русских исторических связей. На наш взгляд, можно поставить вопрос о том, что в определённом смысле Киевская Русь стала исторической преемницей Великой Моравии.

Подобного рода мысль основывается прежде всего на сравнительно-историческом рассмотрении особенностей экономической жизни двух раннесредневековых славянских держав,⁷ очень важное место в которой занимала международная торговля: волею судеб и Великая Моравия, и Киевская Русь оказались на наиболее оживлённых перекрёстках трасс дальней торговли, связывавшей Север и Юг, Запад и Восток Европы.

Важная роль международной торговли в жизни Киевской Руси является общепризнанным фактом. Что же касается Великой Моравии, то об этом говорить не принято, по-видимому, не только в силу крайней скудости данных источников, но и по той причине, что её культурно-историческое значение оказалось настолько велико, что уделять внимание экономическим аспектам жизни державы Моймировичей казалось (и до сих пор кажется) не вполне уместным.

Однако стремительный подъём Великоморавской державы в IX веке трудно объяснить без учёта того фактора, что велеградские правители обосновались на важнейшем торговом перекрёстке Европы, в ключевой точке самого удобного пути и с Севера, и с Запада Европы в Константинополь – крупнейший торговый центр тогдашнего мира, столицу Византийской империи.

Именно устойчивые связи, обусловленные международной торговлей, как нам представляется, объясняют тот факт, что Ростислав, несмотря на значительную географическую удалённость Великой Моравии от Константинополя, обратился к византийскому императору Михаилу III с просьбой направить в свои владения христианских миссионеров для проповеди Слова Божьего. Да и само название «Великая Моравия», под которым раннесредневековая славянская держава вошла на страницы всемирной истории, было дано ей византийским императором Константином Багрянородным далеко не случайно. Константин, писавший свой произведение *Об управлении империей* уже после гибели славянской державы, воздал должное её былой мощи и тому важному месту, которое она занимала среди соседей Византии, в системе её международных связей.⁸

⁶ Значительным явлением в изучении великоморавской проблематики была, на наш взгляд, статья известного советского археолога П. Н. Третьякова (ТРЕТЬЯКОВ, П. Н.: *Новые данные о Великоморавском государстве*. Вопросы истории, 1961, No. 5, с. 72–80), в которой были намечены некоторые перспективные направления дальнейшего изучения великоморавской проблематики, не все из которых были в должной мере разработаны.

⁷ В чешской и словацкой науке с полным основанием ставился вопрос о сходстве политического устройства Великой Моравии и Киевской Руси: многие учёные высказывали мысль о том, что «в Великоморавской державе, подобно Киевской Руси, тоже существовал сильный и единый государственный центр». ПОУЛИК, Й.: *Великая Моравия и миссия Кирилла и Мефодия*. Прага 1987, с. 28.

⁸ О существовании прямых торговых связей между Великой Моравией и Византией свидетельствуют археологические находки изделий византийских ремесленников в погребениях представителей великоморавской знати. ПОУЛИК, Й.: *Великая Моравия и миссия Кирилла и Мефодия*. Прага 1987, с. 14, 27–28.

Сила и богатство правителей Великой Моравии, как нам представляется, во многом основывалась на покровительстве международной торговли, и это не могло не вызывать у правителей соседних земель желания потеснить Моймировичей из этой необычайно значимой и выгодной в эпоху раннего средневековья сферы экономической жизни.

В этой связи нам кажется вполне уместной постановка вопроса о том, случайным ли является одно хронологическое совпадение: в кульминационный момент венгерского нашествия, когда последующее развитие событий было совершенно неясным и непредсказуемым, на свет появился хорошо известный историкам как Средневекового Запада, так и Древней Руси Раффельштеттский таможенный устав, изданный, по мнению большинства исследователей в 904/906 годы⁹ – время, которое принято считать временем гибели Великоморавского государства? И хотя большинство специалистов склонно связывать издание устава со стремлением баварских герцогов и маркграфов Восточной марки обеспечить оптимальные условия для торговли солью своих подданных, мы полагаем, что его предназначение следует рассматривать более широко.¹⁰ Устав, утверждённый восточно-франкским королём Людовиком IV, носившим прозвище Дитя, был принят на съезде восточнобаварской знати, происходившем в кульминационный момент венгерского нашествия на земли Великой Моравии. Это заставляет задуматься над вопросом о том, не имело ли издание устава целью привлечь на территорию Восточной марки иностранных купцов, прибывавших на Средний Дунай с Севера и Востока? Не было ли издание устава попыткой баварских герцогов перехватить в свои руки нити контроля над дунайской торговлей, которые выпали из слабеющих рук смертельно раненной Великой Моравии? Если попытка оказалась неудачной,¹¹ то это не может служить основанием отрицать саму возможность такого рода предприятия.

Будущее показало, что венгры оказались гораздо более сильным и опасным врагом, чем это могло казаться во времена их появления и обустройства на Среднем Дунае, и что в первые десятилетия после «обретения родины» они полностью оправдывали сложившийся в сознании жителей Западной Европы образ «воскресших гуннов», сеявших страх и опустошение везде, куда ступали копыта их скакунов: путь через места их кочевий на многие десятилетия стал для средневековых купцов «дорогой смерти».

⁹ *Magnae Moraviae fontes historici*. Tom. IV. Vno 1971, с. 114–119. Рус. пер. НАЗАРЕНКО А. В.: *Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарии*. Москва 1993, с. 64–67.

¹⁰ С возражениями против сужения значения Раффельштеттского таможенного устава и содержащегося в нём упоминания о «*рынке мораван*» рамках региональной соляной торговли в своё время выступил известный чешский историк-медиевист Д. Тржештик (ТШЕЛЪТНК, Д.: „*Trh Moravanů*“ – *ústřední trh staré Moravy*. *Ieskoslóvenská iasopis historická* 21, 1973, с. 869–894). Сопоставив содержание текста устава с другими данными по истории Великой Моравии, в первую очередь – арабскими источниками последней четверти IX века, он обосновывал мысль о том, что упоминаемый в Раффельштеттском уставе «*рынок мораван*» («*mercatum Marahorum*») представлял собой главный рыночный центр Великоморавской державы, располагавшийся в её столице (предположительно – на городище у Микульчи). Д. Тржештик полагает, что «*рынок мораван*» был хорошо знаком иноземным купцам. Однако, отмечая тот факт, что именно IX век – столетие становления и расцвета Великой Моравии – был веком оживления дунайской торговли (там же, с. 888), он всё же не склонен придавать международной торговле важную роль в жизни Великоморавской державы, высказав мысль о том, что «*рынок мораван*» служил прежде всего для осуществления торгового обмена «*внутри самой Моравии, между её жителями*» (там же, с. 890).

¹¹ Думается, что косвенным свидетельством того, что цель издания устава не ограничивалась покровительством баварским солеторговцам, является тот факт, что Раффельштеттский таможенный устав сохранился лишь в списке 1254/1265 г., того времени, когда наблюдалось оживление дунайской торговли, не связанное с какими-либо изменениями в торговле восточноальпийской солью, история которой восходит ко временам глубокой древности.

Именно в связи с этим в начале X века стал стремительно набирать силу «Путь из варяг в греки», который обрёл оживлённое западное ответвление, проходившее через Червенские города, Краков, Вроцлав, Прагу на Регенсбург и далее в земли Западной Европы.¹² Последнее обстоятельство наталкивает на размышления о том, почему в первые годы X века Киевская Русь с небывалой настойчивостью стала стучаться в ворота Константинополя (вспомним знаменитые походы Олега на Царьград и русско-византийские договоры 907 и 911 годов).

Таким образом, Киевская Русь представляется в этой связи прямой преемницей Великой Моравии не только как наследница славянской письменности, но и как ключевое звено системы международных торговых связей раннесредневековой Европы.

Размышления над текстом *Повести временных лет* наталкивает на мысль о том, что осознание неразрывной связи с Великоморавской державой, преемственности было присуще исторической памяти Древней Руси. В числе заданных нами вопросов своё место должен занять и вопрос о том, не присутствует ли память о Великоморавской державе в рассказе древнерусской *Повести временных лет* о дунайской прародине славян? Рассмотрение содержащихся в ней свидетельств приводит к выводу о том, что в рассказах летописца о дунайской прародине славян слились в единое целое различные, разделённые между собой по времени события. Покорение славян волохами и рассказ о пребывании в землях славян апостола Павла¹³ являются, как нам представляется, отражением дошедших до русского летописца сведений о временах римского господства в Подунавье (в Паннонии и Иллирии, которые он считал исконными землями славян).¹⁴ Что же касается сменявших друг друга воинственных кочевников Евразии (скифов, болгар, аваров, хазар, венгров, печенегов), постоянно угрожавших славянам, то история их передвижений также предстаёт в летописи в виде причудливой мозаики.¹⁵ При этом летописец имеет вполне ясные представления о том, что наиболее мощный удар по дунайским славянам, заставивший их расселиться по просторам Центральной и Восточной Европы нанесли именно венгры,¹⁶ а перечисляя выделившихся из единого славянства ветвей на первом месте неизменно называет мораван.¹⁷

¹² Об этой торговой трассе FLOROVSKIJ, A. V.: *Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X.–XVIII. století)*. Praha 1954, с. 14–15.

¹³ «До Моравов же доходил и апостол Павел и учил там. Там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне.» *Повесть временных лет*. Часть I. Ред. В. П. Адиановой-Перетц. Москва – Ленинград 1950, с. 219.

¹⁴ Территории римских провинций Паннония и Иллирия почти полностью совпадали с границами славянских княжеств Ростислава и Коцела.

¹⁵ Приведём рассказ древнерусского летописца: «Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хозар, так называемые болгары и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые Угры [венгры] и наследовали землю славянскую, прогнав волохов, которые ещё прежде захватили славянскую землю. Эти ведь угры появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В те времена существовали и обры, воевавшие против Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян [...]. Вслед за этими обрами пришли печенеги, а затем шли чёрные угры мимо Киева, но это было впоследствии – при Олеге.» *Повесть временных лет*. Часть I. Ред. В. П. Адиановой-Перетц. Москва – Ленинград 1950, с. 210.

¹⁶ «Сидели ведь тут [на Дунае] прежде славяне, а затем славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали эту землю и поселились со славянами, покорив их себе, и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали Угры воевать против греков, и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни.» Там же, с. 218.

¹⁷ «Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте. Так, например, одни, придя, сели на реке именем Моравы и прозвались Моравы, а другие назвались чехи. А вот ещё те же славяне:

Существенным представляется и тот факт, что в величайшем памятнике древнерусской литературы XII века – *Слове о полку Игореве* – мораване, так же, как и в *Повести временных лет* занимают особое место среди славян. Автор *Слова* называет их в одном ряду с самыми знаменитыми из известных современных ему народов: «*Ту немци и венецици, ту греци и морава поют славу Святославлю, кают князя Игоря.*»¹⁸

С течением столетий, по мере удаления от времён Великой Моравии, память о ней приобретала всё более легендарный характер, но при этом представления о её близком родстве с Русью никогда не исчезало. В конце концов, как показали специальные исследования, в русских исторических произведениях XVI века дело дошло до отождествления моравских князей с русскими. Проанализировав текст Степенной книги (памятника русской исторической мысли эпохи Ивана IV Грозного), А.И. Рогов установил, что в её втором рассказе о Кирилле и Мефодии «*во второй раз к славянам Кирилла и Мефодия приглашают князя Ростислав, Святослав и Коцел, прося об их присылке царя Михаила. Но согласно Степенной книге это вовсе не моравские, а русские князья.*» Таким образом трансформировалась «*главная идея русских книжников о том, что Россия – прямая наследница того дела, которое самоотверженно творили солунские братья в Великой Моравии.*» Как отмечает исследователь, «*великоморавская история просто смешивается с русской, сливается с ней, между ними как бы ставится знак равенства [...]. Так своеобразно, но вместе с тем знаменательно завершалась эволюция исторической памяти о Великой Моравии на Руси.*»¹⁹

Разумеется, высказанные нами соображения являются не более чем гипотезами. Но мы всё же полагаем, что они не лишены некоторых оснований, и надеемся, что в какой-то мере будут способствовать дальнейшему осмыслению чешско-русских и моравско-русских исторических связей. Приближающаяся юбилейная дата – 1150-летие создания славянской письменности – может сыграть при этом важную роль.

Resumé

Ruský pohled na Velkou Moravu

Předložená studie se věnuje problému historických vztahů mezi Velkou Moravou a Kyjevskou Rusí. Autor se domnívá, že Kyjevská Rus navázala na Velkou Moravu a stala se důležitým článkem obchodu mezi západní a severní Evropou a Byzantskou říší. Text se rovněž zabývá reflexí daného tématu v ruských historiografických pracích 12. až 16. století.

белые хорваты, и сербы, и хорутане.» Там же, с. 207; «Был един народ славянский: и те славяне, которые сидели по Дунаю, покорённые уграми, и Моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которых теперь называют Русь. Для них ведь, моравов, первоначально созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.» Там же, с. 218.

¹⁸ *Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и перевод.* Тверь 2009, с. 69.

¹⁹ РОГОВ, А. И.: *Великая Моравия в письменности Древней Руси.* В: Санчук, Г. З. – Поулик, Й. (ред.): *Великая Моравия, её историческое и культурное значение.* Москва 1985, с. 277.